

ФОРУМ

**ОБЩЕСТВЕННО – ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

12

1985

«СУЧАСНІСТЬ»

университетах 1200 студентов-киргизов овладевают методикой преподавания русского языка, 2 тысячи киргизов преподают русский язык в школах, но результаты — меньше тех, что ожидались. Потому что навязывание русского языка киргизам без учета их желания, порча их языка, ограничение их национального и культурного своеобразия, всестороннее и общее отрицательное влияние — все это не может не порождать антипатию к русскому языку и к его носителям.

Если бы все указанные выше проблемы решались справедливо, то для киргизов достижение вершин мировой науки, развитие своей культуры при помощи своего родного языка было бы делом и легким, и свободным, и благотворным. Поэтому те киргизы, которые боролись или борются за чистоту своего родного языка, заслуживают всесторонней поддержки.

(Перевод с киргизского М. Кулмагамбетова)

Махмет Кулмагамбетов

ПО ПОВОДУ НАЦИОНАЛЬНОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО ГНЕТА В СССР

В этих заметках я хочу поделиться некоторыми соображениями, возникшими у меня при чтении книги М. С. Восленского «Номенклатура»*. Книга содержит довольно глубокий анализ советской социальной системы, в ней немало метких замечаний, она богата фактами и читается с увлечением. При всем этом, в книге встречаются спорные места. Это относится к политэкономическому разделу (гл. 5) и тем местам, где автор рассуждает о привилегированном положении нерусских народов СССР (гл. 7, § 12). Начну с последнего.

1

Нет никакого основания соглашаться с М. Восленским и А. Зиновьевым**, которые утверждают, что в советской империи русским тяжелее всех. Они игнорируют тот очевидный факт, что нерусские народы советской империи, кроме общего социального и политического, несут бремя и национального гнета. Достаточно вспомнить хотя бы тбилисскую демонстрацию 1978 года не за запрещение в Грузии русского языка, нет, а только за право пользоваться в своей стране своим языком как государственным. Или: наши давят — хорошо, а если наши никого не давят — уже плохо? Показателем силы русификаторского давления Москвы на национальные республики является тот факт, что ни одной из республик Туркестана не удалось отстоять то, что отстояли грузины.

Проф. Восленский пишет: «...в общем жизнь русского населения в национальных республиках малоприятна. Русские там — не «раса господ» (претензии?! — М. К.), а

* Издание Overseas Publications, Лондон, 1984.

** См. его интервью в двух номерах журнала «Encounter» за 1984 г.

люди зависимые (разумеется, от нерусских — М. К.), с ограниченными возможностями, меньшими, чем у коренного населения.» (стр. 389)

Читая эти строки, неосведомленный читатель может подумать, что на верхушке власти в Москве сидят русофобы, которые только тем и занимаются, что ссылают в национальные республики как можно больше русских в зависимое положение от нерусских. Ведь не может же быть, чтобы русские по своей воле ехали туда, где им хуже. Большинство русских приехало в национальные республики добровольно и легко прижилось там благодаря весьма специфическим условиям.

Из республик советской империи я хорошо знаю условия в Казахстане, Киргизии и Туркмении. Знаю, что там русские хотя и не «раса господ», но имеют больше прав, чем те, кто в собственной стране считается «нацменом». К тому же русские, за редким исключением, презирают коренных жителей и их язык, потому как и без знания местного языка русский может получить любую работу. Там, где на собрании присутствует хоть один русский, оно должно проводиться на его языке, иначе устроителей собрания могут обвинить в «феодально-байском национализме», который, разумеется, страшнее для Москвы, чем феодально-помещичий или буржуазный национализм русских. Кстати, надо отметить, что, судя по страницам советской печати, русские почти или вовсе не страдают национализмом. Оказывается, только нерусские народы имеют пережитки и феодально-байского, и буржуазного национализма. А это указывает на направление и сущность национальной политики Кремля. Плоды такой политики можно увидеть воочию. Извольте.

В коридоре кустанайской тюрьмы русская надзирательница-сержант подошла со свирепым видом к своему начальнику-казаху, капитану МВД и ответственному дежурному по всей тюрьме, и грубо запретила ему разговаривать со мной по-казахски. Разговор был прерван и капитан ушел, как побитая собака, не осмелившись ослушаться ее.

Советская империя — наследница Российской империи. Казахи уже давно привыкли к русским колонизаторам, их культуре и религии. В настоящее время русские в Алма-Атеправляют Пасху, ходят ряженые, во весь голос распевают

на улицах свои песни и частушки, как на своей родине. А казахи молятся или поют свои песни только в собственных стенах. Бывают, конечно, и исключения. Однажды я наблюдал любопытную сцену: какой-то старик-мусульманин расстелил маленький коврик возле дороги и молится. Проходит мимо набожная русская старушка и, крестясь, громко шепчет: «Господи, сатана; Господи, сатана...» И это в мусульманской стране!

Интересно отметить и тот факт, что в Казахстане в настоящее время намного больше действующих церквей, чем мечетей. Только в Алма-Ате есть несколько открытых православных церквей в центре города и одна маленькая мечеть на окраине.

Парки и эстрады Алма-Аты давно уже стали владением русских. В наши дни вы не увидете там казахских концертов. Еще в 1952 году я, студент КазГУ, со своим другом Агыном Касымжановым пошел в Парк Имени 28 гвардейцев-панфиловцев в центре города. Шел эстрадный концерт. Все было нормально, пока пели русские, пока не появился известный казахский певец, исполнитель шуточной песни «16 девушек». Только он запел о своих девушках, как все русские стали хлопать в ладоши и свистеть. Певец сделал паузу. Когда он запел снова, все повторилось. Так продолжалось до тех пор, пока певец со своей домброй не удалился со сцены, так и не закончив песню. С чувством горечи и досады мы с Агыном покинули концертную площадку. Протестовать? Это, конечно, можно, если не боишься линчевания, но если жив останешься, то тебя же и обвинят (в лучшем случае — на комсомольском собрании) в «националистической выходке». Даже во времена хрущевской «оттепели» комсомольцы Камел Джунусов и Зейнолла Игликов из поселка Аксу-Аюлы Карагандинской области Казахстана получили по 3 года и отбывали срок в 11-м лагере в Явасе (Мордовия) за то, что организовали (с ведома райкома комсомола) казахский ансамбль художественной самодеятельности и *по своей инициативе* ездили, восслед русской труппе, по казахским аулам с концертами. Когда выступали русские, зал пустовал, а когда казахи — был переполнен. После этого их «разбирали» в райкоме комсомола. Там Джунусов и Игликов доказывали, что в аулах многие казахи не знают русского

языка и им не интересно слушать русские концерты. Дело упрямцев из райкома передали в КГБ, где расценили их действия как националистическую пропаганду. Послушный суд приговорил их к строгому режиму содержания «в местах не столь отдаленных».

Навязывать русский язык казахам — стало нормой жизни. Потому-то русские, не знающие ни слова по-казахски, принимаются на такие работы, где, казалось бы, необходимо знание местного языка.

Во время моей преподавательской работы в г. Чарджоу (1954-57) несколько студентов-туркменов были исключены из института за национализм, но я никогда не слыхал, чтобы когда-либо был исключен за национализм русский студент, хотя русские студенты открыто высказывают националистические суждения. Короче говоря, *русские везде дома*. Почему-то ни А. Зиновьев, ни М. Восленский не заметили всего этого, а вот присутствие в русских городах гораздо меньшего количества нерусских, часто мимоезжих, ужасно раздражает А. Зиновьева. (См. его интервью).

Проф. Восленский утверждает, что в национальных республиках «на двух языках — на русском и на местном — ведется официальное делопроизводство...» (стр. 390). Обобщение М. Восленского (в «национальных республиках») — грубая натяжка. Да, до войны в отдельных местах Казахстана делопроизводство велось на казахском и можно было адрес на конверте написать по-казахски, но после войны эту, как выражаются русские, «лавочку» казахов» прикрыли.

В 1974 г. я был в самой «глубинке», в животноводческом совхозе Улутайского района Джезказганской области Казахстана. Зашел в правление совхоза. Все таблички на дверях по-русски. Проходят по коридору казахи — мужчина и женщина, разговаривая на русском. Останавливаю мужчину и спрашиваю:

— У вас в совхозе русские есть?

— Нет, только казахи.

— А русские бывают?

— Да, но редко. Только летом на короткое время приезжает бригада шабашников, которая занимается ремонтными и строительными работами.

— А почему вы разговариваете между собой по-русски?

— Дело в том, что мы вынуждены вести делопроизводство на русском, на казахском не принимают, поэтому мы стараемся говорить между собой по-русски.

Таково положение там, где живут *только казахи*. А каково положение в райцентрах и городах Казахстана, где живут и русские, — догадаться не трудно. Там не до делопроизводства на местном языке: без знания русского языка в городах Казахстана никакой работы не получишь, разве только самую унизительную и малооплачиваемую.

Начальник-казах боится брать на работу казаха. В 1958 году я, отказавшись от преподавания философии, приехал из Фрунзе в Алма-Ату. Мои друзья в Институте философии и права Академии наук Казахской ССР уговорили директора института Зиманова принять меня на работу. Но когда я обратился к Зиманову, он мне сказал: «Я не могу принять Вас на работу. Скажут, что я принял своего, казаха. У меня русский заместитель. Идите договаривайтесь с ним». Я уверен, что и нынешний директор этого института академик Ж. М. Абдильдин поступает точно так же, как Зиманов.

Все это можно назвать советским *ультраколониализмом*, который благоприятствует миграции русских в национальные республики, тем самым способствуя дальнейшей русификации этих республик.

Всегда ли так было? Пользовались ли казахи при так называемой советской власти привилегией в своей стране? И да, и нет.

О том, как проходила революция в Средней Азии и Казахстане, лучше расскажут ее участники — среднеазиатские большевики.

Ахмед Байтурсынов, участник гражданской войны, затем член ЦИК и нарком просвещения Киргизской АССР, расстрелян в 1937 году:

«Насколько понятна была киргизам февральская революция, настолько же непонятной показалась им октябрьская (социальная) революция.

С какой радостью встретили они первую революцию, с таким же ужасом пришло им встретить вторую. Такое отношение киргизов к той и другой революции весьма

естественно и понятно тем, кто знаком с киргизским народом. Первая революция была правильно понята и с радостью встречена киргизами потому, что, во-первых, она освободила их от гнета и насилий царского правительства и, во-вторых, подкрепила у них надежду осуществить свою заветную мечту — управляться самостоятельно. То, что вторая революция показалась киргизам непонятной, объясняется просто: у киргиза нет ни капитализма, ни классовой дифференциации; даже собственность у них не так резко разграничена, как у других народов: многие предметы потребления считаются у них общественным достоянием. Наводила же на киргизов ужас октябрьская революция своими внешними проявлениями. Как происходило большевистское движение в центральных частях России — киргизам было неизвестно. На окраинах же оно сопровождалось повсюду насилиями, грабежом, злоупотреблениями и своеобразной диктаторской властью. Говоря короче, движение на окраинах часто представляло собою не революцию (как обычно она понимается), а полнейшую анархию...

Хотя за киргизами декларативно признаны все права гражданства, но на деле они не освобождены еще от гнета и насилия старых поработителей. Если раньше кучка людей, под именем царских чиновников, безответственно угнетала и чинила над киргизами всякого рода насилия, то такую же деятельность проявляла на окраинах кучка тех же и других людей, прикрываясь именем большевиков-коммунистов...

(«Революция и киргизы», см. в сб. «Революция в Средней Азии глазами мусульманских большевиков», Society for Central Asian Studies, Oxford, 1985, сс. 109-113.)

Из доклада Т. Рыскулова, председателя Туркестанского ЦИК (см. в том же сборнике, стр. 42):

«От мусульман отбирают все, и не только отбирают, но и убивают их. Наши солдаты вместо защиты несут грабежи и убийства, они убивают, скрывая следы. В кишлаках население терроризировано и бежит. И растут шайки разбойников. Но быть может, возразит кто-нибудь, это — не партия, а красная армиячинит насилия. Но партия стоит во главе. Во главе всех органов власти стоят тоже товарищи партийные, но они не принимают никаких мер для улучшения положения. Под их покровительством всюду процветает пьянство и безобразия, и, конечно, партия несет на себе вину за это. Мне пришлось

быть на собрании, где сильно разгорелись страсти. «Мы, наконец выгоним их отсюда, если они будут так себя вести», говорили наши партийные товарищи по адресу мусульман. Оказывается, происходили выборы, и мусульмане отдали часть своих голосов тем из русских, которых они уважали и которые их не обижали.

Мусульманский пролетариат просит помощи у русских, но те отвечают, что не доверяют им. Мусульман травят, мусульман даже расстреливают».

В 1928 году в Казахстане и республиках Средней Азии широко развернулась кампания так называемой «коренизации совгосаппарата», выдвигались местные (коренные) кадры в государственные и партийные органы. Для упрочения советской власти в национальных республиках коммунистам Москвы на первое время нужны были местные кадры. С этой целью Москва поощряла обучение казахов, в результате чего появилось довольно много начальников-казахов. Но и эта «лавочка» кончилась, и мы точно знаем — когда.

Общеизвестно, что во время войны, и особенно после ее окончания, в советской империи усилилось прославление всего русского, в том числе — прославление русских побед и даже царских генералов-колонизаторов. Эта пропагандистская кампания подняла дух русского шовинизма и панславизма, породила претензию на «приоритет русской науки и культуры» и борьбу против «бездонного космополитизма» и буржуазного национализма. Усилилась русификация нерусских республик империи, которая обрела расистский характер. Это, в частности, выражалось в том, что Москва решила нанести удар даже по вполне русифицированной и послушной национальной номенклатуре Казахстана. Вот как и когда это произошло.

Умер Сталин, сняли казаха Шаяхметова — первого секретаря ЦК Казахстана.* Из Москвы в Алма-Ату прислали на его место П. К. Пономаренко, а вторым

* Мне не раз приходилось слышать в Алма-Ате о том, что Сталин любил Шаяхметова, который начал свою карьеру милиционером в Чимкенте, когда Сталин начал стричь номенклатурные головы. Казахи-номенклатурщики ужасно гордились тем, что Сталин доверял Шаяхметову разные почетные посты.

секретарем ЦК — Л. И. Брёжнева. Весна 1954 года. Шла какая-то предвыборная кампания, во время которой П. К. Пономаренко выступил с речью в клубе АЭТЗ (Алмаатинский электротехнический завод), где присутствовал и я. Бия себя в грудь, Пономаренко говорил, что он — бывший рабочий, паровозный машинист, а потом вдруг заявил: «Здесь для казахов всякие привилегии развели. А что, русские у Бога теленка съели, что ли?! Теперь этого не будет!» Шум. Одобрительные выкрики в зале. Долго не смолкающие аплодисменты, переходящие в овацию. Митинг окончен. Слыши торжествующие возгласы русских: «Наконец-то наш человек приехал! Хватит этим калбитам!» Началась вакханалия оплевывания казахов и изгнание их с руководящих должностей. Нависла угроза казахских погромов, и в это время Москва попридержала чересчур воинственный пыл русских, убрав Пономаренко. Но прежнее положение так и не было восстановлено, несмотря на то, что Н. С. Хрущев, приезжая на целину, не раз отмечал малочисленность руководителей-казахов.

Хочу отметить две советские реформы, нанесшие непоправимый ущерб культуре казахского народа. Вопреки советской пропаганде, казахи до революции имели свою письменность — писали по-казахски арабским алфавитом. В 1928-29 гг. арабский алфавит заменили на латинский, а в 1939-40 гг. латинский — на русский. Тем самым советская власть отняла у казахов письменные сокровища не только до-советского, но и советского периодов.

«Мало им, калбитам!» — скажет русский шовинист. Я не причисляю проф. Восленского к русским шовинистам, но как говорили римляне: «Незнание — не аргумент». Поэтому беспочвенны его рассуждения о «приниженнном положении простых русских в национальных республиках» (стр. 390), хотя он и пишет для вящей убедительности: «я много раз бывал в разных союзных республиках» (стр. 389). Бывал, но ничего не увидел. А жаль!

Только слепой мог не увидеть, например, то, что в столице Казахстана Алма-Ате, где бывал проф. Восленский, названия магазинов написаны крупно и сверху — по-русски, мелко и снизу — на казахском. А в некоторых городах Казахстана и вовсе не пишутся на казахском названия

магазинов и улиц. Без знания русского языка невозможно ни проехать по Казахстану, ни купить что-либо в городском магазине, ни отправить письмо. Все эти сферы в подавляющем большинстве случаев заняты людьми, не знающими казахского языка.

Газет, журналов, книг и брошюр, выходящих в Казахстане на русском больше, чем на казахском: и по числу названий, и по тиражу:

Таблица*

Казах. ССР	число книг и брошюр, печатных единиц	тираж в тыс. экз.	печатных листов, оттисков	газет	годовой тираж в тыс. экзем.
на каз. яз.	754	12758	144911	163	311511
на рус. яз.	1488	16214	221524	271	706824

Такая же картина наблюдается с изданием журналов в Казахстане. Кроме этого, и Москва и другие города наводняют Казахстан русскоязычными изданиями. Почти все учебники для средних специальных и высших учебных заведений издаются только на русском, потому что в этих учебных заведениях преподавание ведется на русском. В Алма-Ате радиовещание ведется 1,5-2 часа на казахском, а все остальное время суток — на русском. Можно уже теперь сказать, что казахский язык почти полностью вытеснен из сферы общественной жизни и доживает свой век как язык домашнего обихода.

Но и здесь не все благополучно: дети многих казахов, выросшие в городах, не знают родного языка. Например, член-корреспондент Казахской Академии наук Ағын Хайруллович Касымжанов, 1931 года рождения, сын бывшего цензора газеты «Социалистик Казахстан», плохо говорит на родном языке.

* См. «Печать в СССР в 1982 году», Москва, 1983. Таблицы 45, 51, 57. В этих же таблицах имеются сведения по другим национальным республикам.

Когда-то при Сталине существовала норма приема в вузы Казахстана: 50% мест — казахам. Теперь эта норма не соблюдается, ибо с тех пор русификация шагнула далеко вперед.

В настоящее время в столице Казахстана больше ста русских и только 2 казахские школы. Хочешь отдать малыша в казахскую школу — вези в другой конец города, и то, если разрешат, потому что каждая школа принимает детей только из своего района или квартала. Даже в так называемых казахских школах Казахстана постоянно возрастает количество часов преподавания на русском языке: чем старше класс, тем больше дисциплин преподается на русском, например, зоология, астрономия, математика и даже история. А русский язык и литература в этих школах забирают львиную долю учебного времени, гораздо большую, чем время, отведенное для преподавания казахского языка и литературы.

В силу всех этих обстоятельств русским в Казахстане, конечно же, «тяжелее» всех. Но я хочу успокоить А. Зиновьева, М. Восленского и иже с ними тем, что, как говорил какой-то пролеткультовский поэт в довоенном советском кинофильме:

«Не будет никакой нации,
Будет одна советская нация!»

Разумеется с русским языком.

Но и тогда, я думаю, не будет равенства, останется расовая дискриминация, которая жива сегодня. Вспоминаю такой случай. Летом 1964 или 65 года в мордовский лагерь N 11 для политзэков приехал лектор ЦК из Москвы. Пошли послушать. Рядом со мной сидят Анатолий Рубин, братья Арайс и другие. Лектор назвал какой-то китайско-японский договор «союзом желтокожих и узкоглазых».

— Скажи ему, что у нас миллионы «желтокожих и узкоглазых», и спроси, почему он их оскорбляет, говорит мне Рубин.

— Зачем? Разве он не знает? — ответил я.

Я заметил и такое любопытное проявление национализма. Гулящая женщина, если она не местной национальности, например, в Туркмении с удовольствием пойдет с

армянином, курдом, корейцем, казахом, но не с туркменом. В Киргизии — тоже с кем угодно, но только не с киргизом. Иначе говоря, национализм этих женщин имеет, так сказать, местную направленность. А в остальном они — интернационалистки — совсем в духе «Армянского радио»: «Интернационализм — это когда армяне, азербайджанцы, русские, украинцы... все вместе дружно идут бить грузин».

Нельзя не заметить, что в национальных республиках русификаторами выступают не только русские, но и все те, кто не знает местного языка, потому что для них единственным языком общения является русский.

Интересно наблюдать, говоря словами Гегеля, «субстанцию народного духа в его непосредственном проявлении». Вот некоторые факты с краткими пояснениями.

1. Русская студентка идет со студентом-казахом. Русский, видимо принимая ее за гулящую, кричит: «Ты что, сука, не могла себе русского найти?»

2. Русский парень кричит казаху: «Мы вас научили стоя ссать». Действительно, раньше у казахов это считалось грехом: надо было присесть на корточки или стать на колено. Теперь отвыкли.

3. В 1961 году нас, рабочих Сарбайского рудника, послали в совхоз копать картошку. Когда мы возвращались, наш автобус сломался, не доехав до города километров пять. Рядом с нашим автобусом остановился пикап, и его русский шофер говорит: «Могу взять 3-4 человека». Я ему: «Возьми меня». Он мне, шутя: «Нерусских не беру». Я ему шутя: «Но ведь это моя земля». Шофер автобуса мне, серьезно и сердито: «Ты забудь, что это твоя земля. Вот это (показывает на город) мы построили. Теперь это — наша земля».

4. Русские называют казахов: «зверь», «черножопый», «чучмек», «чурка», «калбит», «узкоглазый». (Из этого набора поясню «калбит». Это прозвище возникло еще при царских колонизаторах. Изобрели его те русские, которые знали казахский язык. «Кал» — оставайся, «бит» — вошь. Следовательно, «калбит» должно означать: везде оставляющий своих вшей).

Казахи русских: «шошка» (свинья), «коккоз» (зеленоглазый), «шокынды» (тот, кто крестится, тыкая в себя). Как видим, русский набор богаче.

Проф. Восленский называет национальные республики СССР полуколониями. Я не буду дискутировать с ним по поводу того, чем является Казахстан — четвертьколонией, полуметрополией, неоколонией или сверхколонией. Факт, что народы Казахстана и Средней Азии, как я уже сказал, кроме социального и политического, подвержены и национальному гнету, русифицируются. Коренные народы этих республик считаются людьми второго сорта, там широко разливаются песни о «русской душе» и «русской красе», но нет песен, например, о казахской душе и красе. В Казахстане советская власть переименовала многие города на русский лад, запретила употреблять казахские названия рек Едиль и Жайик (Волга и Урал). Советская цензура уже давно добралась до старинных казахских эпосов «Кобыланды», «Алпамыс» и других, подвергла их переделке в соответствии с национальной политикой Кремля — с тем, чтобы вытравить из них дух национализма. В Кремле не сомневаются, что лишь русский национализм благоухает, а все прочие национализмы пахнут скверно. На таком принципе построена советская пропаганда «дружбы народов» во главе со Старшим Братом — «Великим русским народом».

Всякому непредубежденному человеку понятно, что не может быть никакой «дружбы народов» под игом одного народа, его культуры и языка. Поэтому межнациональная вражда в Казахстане иногда доходит до кровопролития. Например, в конце 50-х годов в Тургайской области казахи зарезали русских геологов, а на базаре г. Караганды произошла массовая резня между чеченцами и русскими, где человек 10 чеченцев насмерть резались с большой группой русских парней. Отважные чеченцы наводили ужас на русских в Казахстане, а казахи с чеченцами жили мирно и дружно. Наверняка, было немало смертельных схваток между казахами и русскими, но в печати об этом не велено сообщать.

Такая ненависть вынашивается годами и имеет под собою солидную историческую почву*. Я сам в 1960 г. был

* Достаточно назвать самые значительные бедствия, которые принесла русская колонизация Казахстану. При царизме у казахов были отобраны

свидетелем того, как русские геологи разрушали в оазисах Тургая зимовки скотоводов не по злобе, нет, а только потому, что им для топлива нужны были деревянные балки перекрытия глинобитных домиков. Такой вандализм обрекал семьи скотоводов, живущих на отдалении в 100-200 км от ближайшего аула на болезни и смерть. Бывают и «спортивные» развлечения. Например, оператор Иван из Кустанайской геофизической экспедиции в Тургае едет к скотоводу-казаху. Наестся мяса у гостеприимного хозяина, а потом сфотографирует пустой камера (без пленки) его семейство, заранее потребовав за фотографии канистру кумыса, и уезжает. Опять едет к тому же казаху, опять делает то же самое, ссылаясь на то, что «пленка не вышла», опять привозит от него канистру кумыса. Много раз он проделывал эту операцию. Другой из геологов похвальялся тем, что продал казаху за 30 рублей поломанные часы... Добродушные, гостеприимные и доверчивые степные казахи никак не могут постичь широту русской души. А когда наконец, постигают, приходит чувство непримиримой вражды.

Есть такой анекдот. Как-то иностранцы спросили Л. И. Брежнева:

— Как вы решаете проблему снабжения такой огромной страны?

— Очень просто. У нас централизованное снабжение. Мы всевозим в Москву, а из Москвы люди сами забирают, — ответил Брежnev.

Когда-то на ярмарках старой России откровенно писали: «колониальные товары». Теперь так не пишут, но Москва по-прежнему снабжается колониальными товарами, причем в Москве они часто дешевле, чем там, где производятся. Например, зимой в Алма-Ате яблоки «апорт» на базаре стоят 3-4 рубля за кило, а в Москве в магазине — 1,5 рубля. Рис (годный для плова) в Ташкенте в магазине не

лучшие земли и переданы русским переселенцам. Казахи были оттеснены в безводные пустыни. Русские солдаты развлекались стрельбой в проезжающих вдалеке казахов, как свидетельствует С. Сейфуллин в документальной повести «Тернистый путь». Они же на своих штыках принесли революцию и голод в Казахстан в 1920 г. (см. «Форум» N4, М. Чокаев). А в коллективизацию погибло голодной смертью около четверти всех казахов (от 1,2 до 1,5 млн.).

достать, а на базаре он стоит 2-2,5 рубля за кг, в Москве же его можно купить в магазине за 1 рубль. Вату и шерсть легче и дешевле купить в Москве, чем в Туркмении и т. д. Все это — факты. Но странное дело — человеческая психология. Москвичи недовольны тем, что в Москве слишком много проезжих «чучмеков», которые опустошают магазины. В одном московском магазине кассирша сказала мне со злостью: «Из-за вас, приезжих, и нам стало трудно доставать товары».

Еще несколько примеров. Когда я работал в НИСе (нормативно-исследовательская станция) «Комгазпрома» в г. Ухте Кomi АССР, один мой коллега рассказывал, что в городе на юге России, откуда он приехал, было невозможно купить зелени даже летом. Вдруг откуда-то приехали корейцы и через некоторое время на базарах стало полно зелени. Но местные жители возненавидели расторопных корейцев за их достаток. Начали избивать корейцев. Они исчезли из города — исчезла и зелень.

Всем известны песни про Ермака, который стал Тимофеевичем в награду за пролитие чужой крови и расширение русских земель. Советская власть поддерживает культа Ермака и назвала новый город, построенный на казахской земле, его именем. Это уже — открытое издевательство над казахами. А вот бравые мальчишеские песни, которые рождены до большевистского переворота и продолжают жить по сей день:

— Когда я был мальчишкой, носил я брюки клеш,
Соломенную шляпу, в кармане — финский нож.
Отца я зарезал, а мать я погубил,
Сестренку-гимназистку в колодце утопил.
Мать лежит в больнице, отец — в сырой земле,
Сестренка-гимназистка купается в воде.

.....

Ты скажи-скажи, мальчишка, сколько душ ты погубил?
— 18 православных, 225 жидов.
— За жидов тебе прощаем, но за русских — никогда.
Завтра утром на рассвете расстреляем мы тебя.

Не отсюда ли, думаю, и павлики морозовы, и погромщики, и борцы против «бездонных космополитов».

Замечу, кстати, что антисемитизм был принесен в Казахстан тогда, когда казахи еще не видели евреев.

Если эти мои примеры взяты не из высшего слоя общества, то вот другой пример. В 1968 году, когда я сидел во Владимирской тюрьме, один из новоприбывших туда видных деятелей ВСХСОН Евгений Вагин не скрывал своей цели: военный переворот, установление власти одной партии (ВСХСОН), запрещение оппозиционных партий, *никакого права на самоопределение наций*, православие — официальная идеология.

Нет, подумал я тогда, пусть уж не разваливается советская власть, если на ее обломках будет построено такое государство.

Мой жизненный опыт привел меня к предположению: не перевес ли специфической психологий обеспечил победу большевиков и поддерживает их силу? Причем здесь распространение марксизма в России и всякие там экономические факторы? Давно известно: «Было бы болото, а черти будут». И поэтому русским интеллигентам следовало бы не проявлять избирательно особой жалости к русским в нерусских республиках, а привлекать больше внимания к судьбе порабощенных народов советско-российской империи и помочь русскому народу научиться самокритично оценивать свое прошлое и настоящее, ибо «одним только устранением от политической власти коммунистов излечить Россию от болезни коммунизма не удастся»*.

Я вовсе не хочу взвалить вину за большевизм только на русских и приписывать только им те низменные чувства и шовинизм, которые являются питательной средой большевизма. Известно об участии в большевистском перевороте евреев, латышей, грузин, армян, башкир и представителей других народов. Я мог бы привести примеры и казахского, и узбекского шовинизма, когда «у сильного всегда бессильный виноват». В этих заметках я хотел показать, основываясь на своем жизненном опыте, только то, что русские в национальных республиках советской империи ни морально, ни материально не находятся в «приниженнем»

* Петр Самородницкий, Брань за правду, «Форум» № 10, стр. 143.

положении, как утверждает проф. Восленский, а пользуются привилегиями и содействуют русификации нерусских народов, что ведет к вымиранию национальных языков и культур. Понимают это русские или нет, но объективно они угнетают другие народы, хотя и сами находятся в незавидном положении. Советская пропаганда часто твердит, что не может быть свободным народ, угнетающий другие народы, но это, странным образом, адресуется только во внешний мир — за пределы «социалистического лагеря».

Безусловно, надо бороться за освобождение и русского, и других народов советской империи. Но когда профессора и писатели, гордо подчеркивающие свое русское происхождение, стараются в какой-то мере взвалить вину за угнетение своего народа на другие народы, это — независимо от их намерений — является поддержкой советских имперских стремлений русифицировать нерусские народы СССР.

2

Вспоминаю 1956 год, город Чарджоу в Туркмении. Директор вечернего университета марксизма-ленинизма Висковатый попросил доцента политэкономии Моисея (фамилию забыл) разъяснить что хотел сказать К. Маркс словами: «всякие товары, какими бы оборвывшими они ни выглядели, как бы скверно они ни пахли, суть деньги в духе и истине, евреи внутреннего обрезания...» («Капитал» т. I, стр. 165, Москва, 1963)

Доцент понес околесицу: дескать, когда-то, в средневековой Германии, евреи подвергались преследованию и вынуждены были совершать обряд обрезания в строгойтайне. Наверно, Маркс это имел в виду. Но, между тем, «ларчик просто открывался»: Маркс иллюстрировал и популяризовал стоимостную сущность товара, его имманентную природу.

Наш доцент не выделялся из основной массы советских политэкономистов, которые не знают и не понимают «Капитала». Они получают свои знания из популярных изданий, которые толкуют Маркса применительно к последним решениям партийных съездов и ЦК.

Жаль, что научный уровень политэкономических сужде-

ний проф. Восленского порою не выше советских, хотя его общий вывод о том, что в советской империи существует более жестокая эксплуатация трудящихся, чем при капитализме, безусловно, верен.

Вообще, иногда возможны правильные выводы из ошибочных посылок. Это случается в науке. Возьмем, к примеру, утверждение проф. Восленского (глава 5, §3): «Номенклатура присваивает прибавочную стоимость». Да, она присваивает. Но прежде чем сделать этот правильный вывод, автор ошибочно отождествляет прибавочную стоимость и прибавочный продукт (стр. 211), что не всегда одно и то же, подобно тому, как H_2O не всегда только вода или только лед.

Отождествляя прибавочный продукт и прибавочную стоимость, сам того не желая, проф. Восленский льет воду на мельницу советской политэкономической демагогии, которая пытается замаскировать эксплуатацию при «развитом социализме», старательно подменяя понятие прибавочной стоимости понятиями прибавочного труда и прибавочной продукции.* Но при ближайшем рассмотрении производства и производственных отношений в условиях «развитого социализма», нелепость такой подмены бьет в глаза.

Например, колхоз «Напрасный труд» производит картошку, а колхоз «Заветы Ильича» — кукурузу. Их прибавочные продукты, разумеется, не окрашены в особый цвет и не лежат на поверхности явлений, как при натуральном хозяйстве. Чтобы определить наличие и количество их прибавочного продукта, надо выразить в стоимости всю их продукцию и вычесть стоимость издержек производства. Только потом можно будет узнать, имеется или нет прибавочный продукт, какой колхоз ведет свое хозяйство более рентабельно или они оба убыточны. Это же относится и к промышленным предприятиям СССР. Следовательно, при товарном производстве в условиях «развитого социализма» прибавочный продукт не может быть обнаружен в натуральном виде и объеме, пока не будет

* Экономическая энциклопедия. Политическая экономия, т. 3, стр. 326. Москва, 1979.

определенена его стоимость. Иначе говоря, в отличие от натурального хозяйства при всеобщем товарном производстве прибавочный продукт не имеет самостоятельного существования: возможно, что продукт труда не будет включать в себя ни одного грамма прибавочного продукта. В этом смысле стоимость первична, а натуральное выражение прибавочного продукта вторично, *опосредовано* через стоимость и определять его — пустое занятие, поскольку рентабельность производства не определяется ни видом продукции, ни ее количеством самими по себе.

Итак, прибавочный продукт — категория натурального хозяйства, а прибавочная стоимость — категория развитого товарного хозяйства, предполагающая экономическую эксплуатацию человека человеком. Следовательно, они выражают совершенно разные производственные отношения и их тождество недопустимо.

Существует ли прибавочная стоимость в условиях «развитого социализма»? Безусловно, существует. Советские политэкономисты с этим, конечно, не согласятся. Они заявят, что, дескать, прибавочная стоимость существует только при капиталистической форме собственности на средства производства, когда рабочая сила является товаром, а у нас, мол, этого нет. Проф. Восленский убедительно показал, что в СССР собственником орудий и средств производства является класс номенклатуры. Ниже я постараюсь доказать, что и в условиях «развитого социализма» рабочая сила является товаром.

К. Маркс не раз утверждал, что прибавочная стоимость присуща только капиталистическому способу производства*. Это, вероятно, и обусловило упорное отрицание советскими политэкономистами наличия прибавочной стоимости при социализме и подмену ее понятием прибавочного продукта. Такая подмена перемещает проблему из сферы производственных отношений в сферу механизма образования и возрастания стоимости. Несмотря на эту уловку советские политэкономисты не смогли обойтись без терминов «прибыль», «чистая прибыль», «прибыль социалистических предприятий», «чистый доход» и т. д., за которыми

скрыто не что иное, как прибавочная стоимость и формы ее распределения. Как сказал лукавый Мефистофель: «Коль скоро недочет в понятиях случится, их можно словом заменить».

Известно, что Ленин любил обвинять либеральных социологов в непоследовательности и называл их «дипломированными лакеями буржуазии». А как обстоит дело с последовательностью у «дипломированных лакеев» парто-кратии, которые неустанно твердят о том, что их политэкономия является последовательно марксистской? Рассмотрим товарное производство в самом общем виде.

Всякая вещь, прежде чем стать товаром, должна быть потребительной стоимостью для человека, т. е. удовлетворять какие-либо его потребности, безразлично — порождены ли эти потребности желудком или фантазией. На этом и кончается общность между потребительными стоимостями как таковыми. Например, изобилие альпийского воздуха не может возместить отсутствие спального мешка, а наличие спального мешка не может заменить отсутствие воды и т. д.

Разумеется, не всякие вещи, или потребительные стоимости, являются носителями стоимости, товарами. Для того, чтобы они стали таковыми, на их производство или транспортировку должен быть затрачен труд. Когда же потребительные стоимости как продукты труда вступают в обмен, они снова обнаруживают родство душ, но теперь уже не благодаря желудку или фантазии человека, а благодаря своей имманентной природе, благодаря абстрактно-человеческому труду, заключенному в них.

Вещь бессильна перед лицом человека. Если вещь не хочет двигаться, человек принуждает ее. Но для упрощения проблемы давайте наделим вещи самодеятельными свойствами, какими они и сами любят казаться в мире товаров. Пусть они сами двигаются на рынок и разглядывают достоинства друг друга.

Придя на рынок, вещи остаются товарами в потенции. Только в процессе обмена они реализуются, как товары. Для этого сладостного мгновения им приходится иногда преодолевать громадные расстояния и наводить на себя марафет, как заневестившейся девице, мечтающей выйти замуж.

* К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 306-307, 599 и др. Москва, 1963.

На рынке, где происходят смотрины, товар А присматривается к товарам Б, В, Г, Д и т. д. или к их эквиваленту. Товар А может обменяться на какой-либо единичный товар, группу товаров или их эквивалент — это нас не интересует. В данном случае нас интересует только то, что: 1) товар А начинает присматриваться, например, к товару Б и 2) в то же самое время товар Б присматривается к товару А. В первом случае товар А выступает в относительной форме стоимости, а Б — в эквивалентной форме стоимости, а во втором же случае — наоборот. Из этого следует, по крайней мере, 2 вывода:

1) Относительная и эквивалентная формы стоимости не существуют одна без другой. Как говорится, каждый может быть благочестивым сам по себе, а для порока нужны по крайней мере двое.

2) Какой-либо товар не может обмениваться на нетовар. Даже больше того: товар А, обмениваясь на вещь Б, самим актом обмена перевращает Б в товар, подобно тому, как Еркин бьет по голове ничего не подозревающего коллегу и тем самым превращает его в соучастника драки.

Нам достаточно знать, что товар как продукт труда не может обмениваться на нетовар. Это — универсальное правило для любой стадии товарного производства вплоть до «развитого социализма». Посмотрим с этой стороны на советскую политэкономическую демагогию.

Краеугольным камнем советской политэкономической демагогии является то, что она *не признает рабочую силу товаром* при социализме. Но наряду с этим она считает советские деньги товаром, которые выполняют функцию, якобы, даже мировых денег*. Но могут ли деньги, как товар, обмениваться на рабочую силу, которая не является товаром? Могут ли деньги быть в эквивалентной форме стоимости без того, чтобы рабочая сила не была бы в то же самое время в относительной форме стоимости, и наоборот? Нет, не могут. Партиократия не признает этого не только для того, чтобы польстить народу («народ — хозяин»), но и для того, чтобы сохранить уровень зарплаты рабочих на предельно низком уровне и присваивать прибавочную стоимость в максимально возможном объеме. В самом деле, СССР не такая уж экономически отсталая страна, чтобы

* Полит. Экономия. Учебник. Москва, 1955, стр. 472

платить рабочим в несколько раз меньше, чем получают рабочие в западных странах, как это показал проф. Восленский.

А может быть именно то обстоятельство, что советские рабочие получают зарплату в несколько раз меньшую, чем стоимость их рабочей силы, делает последнее *не товаром*? Но тогда надо распространить это правило и на капитализм, чего, как известно, не пытались сделать ни К. Маркс, ни его советские эпигоны.

Ницца советской политэкономической мысли выражается и в том, что она считает, будто труд при социализме носит «непосредственно общественный характер»*. К сожалению, надо признать, что дело идет к этому, но пока не дошло. Вот когда рабочие СССР будут трудиться бесплатно, а за свою работу — по принципу: «кто работает, тот и ест» — будут получать доступ в столовую поесть каши «от пуз», тогда и восторгается строй казарменного коммунизма — разновидность рабовладельческого строя, для введения которого СССР уже созрел не только экономически. Но это «светлое будущее» еще не наступило, а труд носит *опосредованно общественный характер*, пока рабочий говорит: «Ты мне, родное правительство, давай деньги, а я тебе — свой труд», т. е. рабочую силу.

Несмотря на тотальную официальную демагогию, понимание своего действительного положения все-же пробивается в сознании советского народа. Поэтому часто можно услышать: «пойдем в отдел найма» или «пойду наниматься на работу». Вот и получается: наемного труда нет, а люди идут наниматься на работу.

Хочу ли я этим сказать, что эксплуатация наемного труда при капитализме и социализме совершенно одинаковы? Нет. Проф. Восленский достаточно убедительно показал, что эксплуатация при социализме, в отличие от капитализма, носит характер и внеэкономического принуждения, что роднит «развитой социализм» с феодализмом. Я хочу сказать только то, что и при капитализме и при так называемом «развитом социализме» источник прибавочной

* П. И. Никитин. Основы политической экономии, стр. 263. Москва, 1964.

стоимости в основном один и тот же, это — *наем рабочей силы и эксплуатация ее*.

Справедливая ссылка проф. Восленского на то, что в мире много всяких экономических теорий, увы, не оправдывает третирования им любой из них по своему выбору, вместо критики, например, ее внутренней непоследовательности. Критикуя теорию трудовой стоимости вообще и Маркса — в частности, он утверждает, что стоимость создается спросом и предложением, машинами и автоматизацией (стр. 210). Логично было бы продолжить: домашними и дикими животными, лесами и полями, Землей и Солнцем, Луной и Венерой и т. д. Такая политэкономия превратилась бы во что угодно, но перестала бы быть наукой о производственных отношениях, ибо, как говорил Козьма Прутков, «нельзя объять необъятное».

Из того неоспоримого факта, что машины участвуют в создании прибавочной стоимости, проф. Восленский делает вывод о том, что она создается не только живым трудом (стр. 210). С этим спорить так же трудно, как и отрицать тот факт, что и кровать участвовала в производстве ребенка.

Труд создает стоимость вообще и прибавочную стоимость — в частности. Это общеизвестное положение трудовой теории стоимости. Маркс уточнил, что *труд не имеет стоимости*. Следовательно, труд не продается и не покупается, ибо не может быть предметом торговли то, что не имеет стоимости. А что же тогда продается и покупается и является источником прибавочной стоимости? Рабочая сила.

Если стоимость и прибавочная стоимость создаются живым трудом, то значит ли это, что там, где не используются машины или где преобладает ручной труд создается больше прибавочной стоимости? Нет, не значит. Конечно, если рыть канал способом китайского конвейера и каждому звену конвейера платить чашкой риса за день работы, то и экскаваторы не стоит использовать. Но можно не сомневаться, что там, где используются экскаваторы, доля прибавочной стоимости в авансированном капитале хотя и не столь велика, но в абсолютном выражении больше, чем при китайском конвейере, если, конечно, объем работы достаточно велик.

Жаль, что излагая политэкономические проблемы,

проф. Восленский переходит к неуместным поучениям: «Итак, необходимо твердо себе уяснить:

1. Прибавочный продукт (прибавочная стоимость) — не выдумка Маркса, а необходимый элемент рентабельного материального производства». С таким же успехом можно декларировать: гены — это не выдумка ученых, а необходимый элемент наследственности.

«2. Прибавочная стоимость не является категорией только капитализма, а возникает при любом способе производства в условиях общественного разделения труда».

По поводу этой путаницы хочу заметить, что, во-первых, не всякий прибавочный продукт есть прибавочная стоимость, а во-вторых, прибавочная стоимость не возникает при любом способе производства, ибо вовсе не любому способу производства присуще такое общественное разделение труда, когда рабочая сила становится товаром, хотя товарное производство и сопутствует докапиталистическим способам производства. Поэтому не стоит, по моему мнению, относиться серьезно и к следующему утверждению проф. Восленского: «Прибавочная стоимость создается в любом обществе, без этого общество просто не может существовать» (стр. 212).

Увы, история человечества показала, что человек может существовать не только без прибавочной стоимости, но даже без прибавочного продукта, коль речь идет только о существовании. Совсем другое дело — прогресс человечества. Тут уж, действительно не обойтись без прибавочного продукта и прибавочной стоимости.